

КОГДА я прочитал статью Б. Томашевского «Призрак в литературоведении» («Литературная газета» от 1 июня с. г.), стало немножко не по себе. Появился, оказывается, странный призрак, он бродит по страницам исследований. Это — «лирический герой». Все, что связано с ним, — от лукавого...

Автор предупреждает, сигнализирует: будьте осторожны, призрак — среди нас. Не пускайте его на страницы книг и статей. Гоните!

Попробуем все же разобраться: что же это за лирический герой, откуда появился? И так ли страшен черт, как его малюют?

Поэт-лирик говорит о себе, о своей жизни, его стихи во многом, даже насквозь, автобиографичны. Читая их, мы узнаем голос этого человека — Маяковского, Блока, Есенина, Светлова, Твардовского. Смешно отрицать индивидуальный, подчеркнутый личный характер лирики, разговаривающей с читателем «от первого лица». Это значило бы лишить ее живой, непосредственной одушевленности, превратить в безликую абстракцию.

Это ясно. Спор идет о другом. Суть дела в том, что образ поэта в лирике — не простой автопортрет, не фотографическое воспроизведение личности. Это именно образ, одновременно личный и обобщенный. Называйте его «лирическим героем», «лирическим характером», «образом поэта» — в конце концов дело не в самом термине. Как бы ни определяли вы это понятие, — просто отбросить его, что предлагает Б. Томашевский, нельзя.

Прав Ал. Михайлов, когда пишет в своей книжке «Поэт и лирический герой»:

«Биография поэта, его личность кладут отпечаток на все его творчество, но это отнюдь не значит, что поэт замыкается в рамках собственных переживаний и личного опыта».

Лирический образ поэта — художественное обобщение, а не простая регистрация, не поэтическая «стенограмма» его чувств. Его реальная жизнь сплавляется с вымыслом, фантазией, происходит творческая переработка жиз-

Образ, а не призрак

ненных впечатлений и фактов. Лирика — меньше всего бытописательство.

«Выражая самого себя, — читаем в книге Иоганнеса Бехера «В защиту поэзии», — лирический поэт выражает проблему своего века, причем это «себя», личность поэта, должно вырасти в характер, представляющий век, в орган, в котором эпоха снова обретает свой поэтический образ».

Личность поэта вырастает в художественный характер, образ. Понятия эти кровно связаны между собой, но отождествлять их нельзя.

Странное дело! Именно против этого очевидного положения и выступает Б. Томашевский. Он приводит слова В. Орлова и мои слова о том, что нельзя отождествлять лирического героя и самого поэта, сводить образ поэта к личности автора, и говорит: неверно.

Тем самым он вступает в спор с гораздо большим количеством людей, чем он предполагает: собственно говоря, с каждым, кто исходит из мысли о лирике как форме художественного мышления, о лирическом образе поэта, а не копии, не фотографии, не протокольной или дневниковой записи.

Не буду приводить многочисленные высказывания из работ современных исследователей, говорящих о лирическом герое как художественно-обобщенном образе поэта, не утрачивающем своей индивидуальности, неповторимой «личности».

Ограничусь одним примером. Передо мной книга «Пушкин» Бориса Викторовича Томашевского, уважаемого однофамильца моего оппонента, виднейшего пушкиниста. Это его последний труд.

Автор специально подчеркивает: ошибались те исследователи, которые толковали лирические стихотворения молодого Пушкина как «фактический дневник поэта».

«Они забывали, что подлинность художественного произве-

3. ПАПЕРНЫЙ

дения состоит не в воспроизведении индивидуального частного факта, а в типичности изображаемого, в обобщении».

Б. В. Томашевский подробно разбирает образ автора в разных стихотворениях, в поэмах, в «Евгении Онегине». Это и носитель

потемника

черт самого поэта, и образ, основанный на «соединении вымысла с действительностью».

В общем, если наш оппонент действительно всерьез полагает, что можно отождествлять личность поэта и его образ в лирике, — книга Б. В. Томашевского всем своим материалом и концепцией последовательно разрушает это представление.

Автор статьи «Призрак в литературоведении» не очень удачно, на мой взгляд, обращается к именам критиков революционных демократов: у них, мол, нет термина «лирический герой».

Послушаем Чернышевского:

«...Неоспоримо следует: 1) что «я» лирического стихотворения не всегда есть «я» автора, написавшего это стихотворение; 2) что в приписывании самому поэту поступков, положений и ощущений являющегося в лирическом стихотворении «я» надобно поступать с крайнею осмотрительностью и не иначе, как сообразив ощущения и поступки лирического «я» с положительными историко-литературными фактами».

И еще одно высказывание Н. Г. Чернышевского:

«Лицо, чувства и мысли которого вы узнаете из поэзии г. Огарева, лицо типическое».

Типическое — вот в чем суть, а не просто реально-бытовое.

Б. Томашевский поминает

Горького. Что ж, полезно вспомнить и горьковские слова:

«Художник — это человек, который умеет разработать свои личные — субъективные — впечатления, найти в них общезначимое — объективное — и который умеет дать своим представлениям свои формы».

Опять-таки: литература — не обычная фиксация субъективных впечатлений, но их творческая «разработка», типизация. В личных, субъективных впечатлениях художник находит «общезначимое — объективное».

Личность поэта вырастает в лирике, он становится, по слову Блока, больше себя, чувствует, как говорит Маяковский, — «я» для меня мало.

А в некоторых работах получается: не «мало», а «в самый раз», никакой разницы между реальным, бытовым и художественно-обобщенным нет. Как будто литература — механическое воспроизведение, как будто поэт, берясь за перо, не входит в мир образов, где слиты достоверность и вымысел, факт и фантазия, обыкновенное и необычайное!

«В поэме «Про это», — пишет Б. Томашевский, — если верить З. Паперному, он (лирический герой. — З. П.) претерпевает странные метаморфозы: «Лирический герой, вначале «медведь», царапающий логово «в двадцать когтей», — в конце поэмы звездолет, несущийся в ковчеге Большой Медведицы».

Ну, а если верить Б. Томашевскому? Что же, это реальный Владимир Владимирович Маяковский становится медведем? Разве не ясно, что речь идет о лирическом, необычном, фантастическом образе поэта. Это Маяковский, а не кто-нибудь другой, придумал «странные метаморфозы».

Б. Томашевский сочувственно ссылается на статью С. Трегуба «Трудно быть поэтом» («Звезда», № 10, 1962). Но вот автор этой статьи рассказывает, что Маяковский он увидел при первой встрече «именно таким, каким вы-

читал из его же книг: «Был я сажень ростом», «Черепушкашку вскрывайте...» (следуют цитаты).

Как просто! Там сажень и здесь — сажень. «Он был действительно таким», — свидетельствует критик.

Хочется спросить: а приходилось ли кому-либо быть очевидцем того, как Маяковский беседует с Эйфелевой башней, раскручивает чай с солнцем, раскручивает «людогусью» шею за облака, возносится на небо, врывается к самому господу богу, как живой разговаривает с потопками?

Конечно, можно сказать по поводу «Необычайного приключения...»: «Все точно, как и было на самом деле. Ярославская железная дорога, Пушкино, 27 верст». Но одними этими «верстами» не измерить фантазии поэта. В стихах он бьет солнце по плечу, говорит с ним на «ты», славит веселую кутерьму «стихов и света».

Есть и другая опасность — на нее указывали некоторые критики, оспаривавшие термин «лирический герой». Может возникнуть представление, что образ поэта в лирике — чуть ли не «подставное лицо», это, мол, схематически типовое изображение.

Действительно, есть опасность штампа, схемы, дурной отвлеченности. Мне кажется только, что виноват не «лирический герой», а поэт, который начинает говорить не «от себя», не от души, а от условного «безликого лица».

Скажем еще раз: термин «лирический герой» может быть уточнен. Важно не забывать о специфике художественного образа в литературе, в поэзии, в лирике.

Настало время широкого коллективного обсуждения всех этих вопросов. Оно должно быть серьезным и спокойным. Мы видели, что современные критики, пишущие о «лирическом герое», стремятся раскрыть особенности, присущие образу поэта — художественному, типическому — индивидуальному и обобщенному. Спрашивается: зачем же страшиться Андреем Белым, «призраками», декадентами? Вряд ли эти приемы помогают обсуждению насущных вопросов нашей лирики — взволнованного рассказа поэта о времени и о себе.

Литературная газета, 1963, 11 июля.